

А.А. Вейхер

Национальный
исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
(Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ВАЛИДНОСТИ ДАННЫХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

Проблемные аспекты валидности социально-экономических опросов

Социально-экономические опросы продолжают расширять свою нишу в сфере информационного обеспечения. За 65 лет (с появления Consumer Sentiment Index, а затем Consumer Confidence Indicator (Michigan, USA)) результаты множества опросов населения, потребителей, экспертов различного типа, менеджеров и руководителей предприятий и организаций стали высокочисленными для принятия социальных и экономических решений. Они находятся в одном ряду с индикаторами, получаемыми статистикой из документов (акты гражданского состояния (демография), регистры различных экономико-правовых действий (индексы бирж, таможенные обороты, регистрируемые сделки), отчеты и декларации граждан и хозяйствующих субъектов (налоги) и т.п.). Ныне в аналитических отчетах, в сводных индексах (например, в Leading Indicator Composite Index [OECD, 2012]) опросные и документарные индикаторы-показатели применяются на равных.

Между тем они отличаются принципами оценивания валидности [Вейхер, 2008]. Данные из регистров и иных документарных источников — результаты объективированной фиксации фактов действий или состояния вещей. Их валидность сути общественных явлений или процессов, подлежащих измерению, определяется четкостью критериев их квалификации (для включения в круг наблюдаемых фактов) и соблюдением процедур фиксации (статистического наблюдения), которые могут нарушаться при наличии интересантов их фальсификации (неполный учет всего круга фактов, искажения их отнесения к той или иной градации шкалы измерения и т.п.). Довольно часто эти факты подвергаются сплошному наблюдению, получаемые

значения показателей измеряются метрическими шкалами, погрешности сбора данных признаются несущественными, и во всех расчетах используются абсолютные значения показателей.

Данные социально-экономических опросов практически всегда собираются при помощи управляемой выборочной процедуры. Валидность получаемых показателей имеет вероятностный характер. (Это в полной мере относится и к данным из документарных источников, когда они обследуются выборочно, но для опросных данных это свойственно всегда.) Такой тип переменных ставит проблему их включения в расчеты любых индексов: индекс как сводная величина совокупности индикаторов тоже должен быть переменной с указанием доверительного интервала ее точности при определенной надежности.

В данном случае нет возможности рассмотреть математическую сторону дела, связанную с формированием вероятностных параметров сводной величины как результата цепных и аддитивных арифметических операций с совокупностью переменных, имеющих вероятностный характер. Отметим только, что в имеющейся практике есть ряд противоречий, без понимания которых интерпретация получаемых результатов может быть неверной, дающей пищу для обоснованной критики этих результатов.

Так, в публикациях мониторинговых замеров CSI в США (и в других странах) значения этих индексов приводятся в процентах с точностью до десятичного знака, и в комментариях интерпретируются изменения уровня индекса, даже если они составляют несколько десятых процента [Short, 2012]. В тех же публикациях часто указывается, что для рядового трендового опроса выборка составляет 500 респондентов. Такому объему выборки, согласно объяснениям методики сбора данных [Curtin, 1999], соответствует доверительный интервал $\pm 5\%$ (для значения доли 50%). Совсем иной оказывается интерпретация тех же результатов по графику значений, сглаженному скользящей средней по четырем точкам [Ibid.]. Нам не удалось пока обнаружить разработок по этим вопросам для методологии получения и использования опросной информации социально-экономической направленности.

Охарактеризованные проблемы относятся к внутренней валидности методик рассматриваемого типа опросов. По нашему мнению, еще более острыми являются проблемы внешней валидации их результатов.

Место внешней валидности в опросной практике

За 80 лет после введения Терстоуном понятия валидности (валидации) [Thurstone, 1931] были предложены более десятка вариантов этого тер-

мина и несколько методов оценивания валидности, так как в широком смысле характеристика валидности присуща любому исследованию [Winter, 2000; Никитина, 2009]. Для предмета нашей работы — валидности представительного опросного обследования — традиционно признаются очевидными два типа валидности: внутренняя и внешняя. Целью методов оценки внутренней валидности являются улучшение качества инструментов сбора данных и координирование всего процесса их создания и использования. Два способа оценивания внешней валидности (конкурентный и прогностический) фиксируют адекватность результатов генерализации целевой популяции по результатам обследования с другими (чаще более масштабными) выборками и генеральными совокупностями.

Роль критериев внешней валидности данных обследований отличается в различных сферах исследований и изменяется во времени. Известные ранние репрезентативные опросы избирателей (Дж. Гэллуп, А. Кросли, А. Кэнтрил, Э. Роупер) получили признание общественности, потому что они валидизировались простым и понятным индикатором прогностической валидности — результатом выборов.

В настоящее время методы внешней валидности редко используются вне электоральных опросов. Они очень скупо упоминаются в учебниках (см. один из типичных учебников [De Leeve, Нох, Dillman, 2008, р. 53], где есть только один параграф 3.8.4 «Comparison with External Data» в 18 строк). Внешняя валидность даже не обсуждается в общей статье девятнадцати ведущих специалистов по теме «Оценка погрешностей из-за отказов отвечать» [Groves et al., 2008].

Основная причина вышеописанной ситуации с внешней валидностью проста: если мы знаем величину или распределение конкретного индикатора в общей популяции, то в выборочном обследовании часто нет необходимости.

Однако внешняя валидизация сохранила свою роль в особой форме распространения различных методов «взвешивания» (weighting) полученных данных.

Традиционно в публикациях опросных обследований присутствует такая фраза: «Результаты репрезентативны по возрасту и полу», так как совпадение распределения случайной выборки по показателям возраста и пола с распределением по этим же показателям в генеральной совокупности рассматривается как подтверждение хорошего качества выборки. Однако добиться такого совпадения в большинстве опросов довольно несложно. Распространение же ситуаций отклонения пропорций распределений респондентов в выборочных совокупностях от известных из внешних источников пропорций в генеральных совокупностях по более широкому кругу параметров привело к появлению математически весьма серьезных методов «взвешивания». Эти методы широко и успешно применялись до тех пор, пока причины невы-

полнения правила равной вероятности попадания в выборку респондентов можно было считать случайными. Данная посылка переставала соответствовать реальности по мере того, как первостепенным становился фактор отказа потенциальных респондентов участвовать в опросе. В обзоре-введении специального тематического выпуска журнала «Public Opinion Quarterly» [Singer, 2006] прямо указывается: если отказ участвовать в опросе становится главной причиной невыполнения заданной выборки (ранее такой причиной была невозможность установить контакт с индивидом, попавшим в выборку, из-за его отсутствия), это разрушает основу представительности выборочного обследования. В результате затрудняется статистическая оценка погрешностей получаемых данных, их валидности описываемой реальности.

Причины сокращения возможностей применения методов коррекции выборки

Растущие уровни отказов от участия в опросах могут быть объяснены, по моему мнению, последствием проникновения опросов в массовую культуру. По большому счету расширение применения разнообразных современных опросных технологий существенно повлияло, наряду с новыми технологиями распространения и предъявления информации, на восприятие большинством общественных субъектов — от рядовых граждан до лидеров общества — общественной жизни в различных ее проявлениях: от узнавания популярности разных сортов пива и звезд эстрады до оценок скрытно назревающих экономических катаклизмов и вероятного поведения разных групп населения на предстоящих выборах. По сути, произошедшие и происходящие изменения можно без чрезмерного пафоса назвать *качественно новым состоянием рефлексии обществом общественной жизни*.

Такая популярность опросов стала причиной устойчиво растущих трудностей их проведения, особенно за последние 20 лет. Как видно из данных по США, более 70% взрослого населения уже были респондентами в опросах, в том числе 45–50% — в течение последнего года [Kim, 2011, p. 181]. Около 40% американцев сказали, что в продолжение года отказывались от предложений принять участие в опросах [Ibid., p. 182], треть из них не верит в их результаты [Ibid., p. 178]. Доля респондентов, которые видят что-то интересное в участии в опросах, сократилась за период с 1995 по 2003–2006 г. с двух третей до одной трети [Ibid., p. 185].

Так же развивается ситуация в других странах. Более трети граждан России в 2004 г. ответили, что им приходилось участвовать в опросах [Исследовательская группа ЦИРКОН, 2005]. 40% жителей России рассматривают опросы

как чисто коммерческую деятельность, а 28% согласны, что результаты опросов часто фабрикуются и публикуются для оказания давления на граждан; в больших городах мнение последних широко распространено [Исследовательская группа ЦИРКОН, 2005]. По нашим данным, в ходе избирательных кампаний в Санкт-Петербурге один из троих взрослых получает предложение участвовать в опросе. Опросы по некоторым темам (например, электоральные, маркетинговые) стали частью субкультур различных социальных групп. Накапливание опыта участия в опросах и знакомство с их результатами, публикуемыми в СМИ, заметно влияют на готовность принимать в них участие. Поэтому в настоящее время сокращение числа респондентов является причиной систематических погрешностей в выборочных распределениях ряда социальных групп.

При «уровне отклика» ниже 70% воздействие погрешностей из-за отказа отвечать делается неустранимым [Groves, Couper, 1998]. В опросах, проводимых в 2005–2010 гг., при числе отказов отвечать, превышающих 25% плановой выборки, любая попытка корректировать выборку перевзвешиванием по полу и возрасту приводила к занижению среднего числа детей у женщин в возрасте 30–45 лет. Соответственно информация о социальных проблемах, связанных, например, с детьми, неизбежно искажалась.

Расширяется круг исследований социальных групп, о которых нет информации как о генеральной совокупности. К таковым относятся фрилансеры; люди, которые придерживаются новых политических взглядов; малые предприниматели, не регистрирующие свой бизнес. Численность этих групп невелика, и выявление их путем представительного опроса населения дает мало информации. В лучшем случае удается узнать, что они составляют 1–2% населения. Только из очень большого числа общей выборки можно получить данные для расчетов состава таких малых подгрупп. Высокие затраты на получение столь малой информации делают представительное исследование таких групп практически нереальным.

Практика использования критериев внешней валидности

Критерий внешней валидности в явной форме, а не только в форме «взвешивания» по известным стратам, на деле используется много лет.

В качестве примера можно назвать уже упоминавшийся известнейший проект Consumer Sentiment Index (индекс потребительских настроений (ИПН), начат в 1946 г.). Этот индекс, по сути, является латентной интегрирующей переменной, отражающей экономические настроения граждан США. Его использование основывается на предположении, что их чувства будут

проявляться в массовом поведении (покупки, нахождение и потеря работы и т.д.). Существует хорошая взаимосвязь между значениями индекса как в целом, так и по его составным частям с объективными индикаторами экономики США. В этом случае прогностическая валидность используется как чисто статистическая, без совпадения содержательного значения, отражаемого переменными. Налицо модель «черного ящика», и связи компонент в формуле расчета индекса интерпретируются как реально слабые и в целом не имеют индикатора во внешних источниках.

Исследователи, работающие на этом проекте, тщательно изучают воздействие роста отказов от участия в опросах на получаемые результаты [Curtin, 2000]. Долговременная практика отслеживания динамики сильной корреляции ИПН и внешних индикаторов экономического развития позволит акторам утверждать, что прогнозная ценность индекса слабо зависит от колебаний факторов, нарушающих выборку. С 1999 г. размещенная на веб-сайте ИПН информация о методологии проверки валидности динамики индекса гласит: «иные факторы, кроме собственно выборочных, также влияют на точность этих (и других) результатов. Эти факторы могут включать эффекты от формулирования вопросов, способности респондентов формулировать свои ответы и мнения, отказов от участия в опросах и неполноты покрытия плановой выборкой генеральной совокупности. Стандартное измерение этих эффектов отсутствует, но их влияние должно проявляться при использовании данных этих и других опросов. Поскольку измеряемые эффекты представлены во всех опросах, отмеченные преимущества наблюдений серии опросов во времени проявляются в том, что невыборочные влияния остаются относительно постоянными во всех выборках, а потому их влияние на оценки во времени минимизируется» [Curtin, 1999].

Развитие методики внешней валидности — результаты применения

Мы предлагаем применять подход «внешней валидности» в варианте «метод перекрестной валидации» как статистической модели с очевидными связями между параметрами и внешним увязанным с опросным индикатором. Кроме «целевых» (связанных с целью опроса) автор предлагает включать в опросник несколько других вопросов. Они не представляют существенного интереса, но могут быть использованы в расчетах индикаторов, сравнимых со статистическими данными из независимых источников.

Приведем пример. Качество выборки в опросах о теневой зарплате среди работающих в Санкт-Петербурге (Россия) оценивалось с помощью внеш-

него индикатора «Зарплата до вычета налогов (номинальная начисленная зарплата)» из данных официальной статистики по сравнению с опросным индикатором. Было проведено три опроса в 2004–2007 гг. Мы применяли трехступенчатую выборку: 1) стратифицированная по численности жителей 50 территорий города; 2) вероятностная для отбора домов на каждой из территорий; 3) квотная для отбора жителей в отобранных домах (по полу и семи возрастным группам). Численность опрошенных составляла от 500 до 800 человек.

Сравнимый индикатор был рассчитан по трем параметрам из опросных данных: полная сумма всех заработков респондента, доля тех, кто получал зарплату без надлежащего оформления, величина зарплаты без оформления. В опроснике было два вопроса: «Вы лично фактически на всех местах, где работали, независимо от оформления, сколько за последний месяц заработали (примерно)?» и «В наше время немало людей получают часть заработной платы, иногда и всю, без оформления. Вам за этот же месяц приходилось получать заработную плату таким образом?» (Отказы отвечать на оба вопроса не превышали 15%.) Для каждого респондента рассчитывалась «законная» зарплата как «полная зарплата — теневая зарплата». Полученные величины пересчитывались в номинальную (до уплаты налога) и в среднюю номинальную зарплату для всех работников.

Валидность оценивалась степенью различия средних величин номинальной зарплаты по данным опроса и официальной статистики. Во всех трех опросах погрешность (разность между статистической и «опросной» средними величинами номинальной зарплаты по Санкт-Петербургу) не превышала 3,7%. Такая близость полученных величин возможна, если и в выборочной, и в генеральной совокупностях распределения по трем расчетным параметрам достаточно близки. Тем самым близость величин по номинальной зарплате становится индикатором близости величин теневой зарплаты, полученной в результате исследования и имеющейся в генеральной совокупности.

Выводы

В исследованиях, где необходимо определять количественные параметры популяции, все чаще приходится сталкиваться с трудностями в обеспечении репрезентативности выборки. Основной причиной этого является отказ большого числа респондентов (более 30%) от участия в опросе. В таких случаях репрезентативность по разным переменным может существенно отличаться.

Предлагается определять представительность результатов опросов для различных целевых индикаторов. В случае расчета таких индикаторов из

определенных переменных на опросных данных это может быть несложным вариантом структурных уравнений.

Представляется перспективной дальнейшая разработка методов внешней валидности получаемых опросных данных в направлении построения рядов индикаторов представительности выборки, отдельных для различных предметов изучения.

Литература

Вейхер А. Опросные технологии получения экономической информации — методологические проблемы развития // Известия СПбУЭФ. 2008. № 2. С. 34–35.

Исследовательская группа ЦИРКОН, ВЦИОМ. Группа 7/89. 2005. Социологические исследования в России: осведомленность и отношение населения. ЦИРКОН, Россия, retrieved 12 April 2012 <http://www.789.ru/new/projects/050315.pdf>

Никитина Т. Теоретическая и эмпирическая интерпретация и операционализация понятия «валидность» // Социология: теория, методы, маркетинг. Киев, 2009. № 2. С. 113–129.

Curtin R. Survey of Consumers — Data File Documentation, The University of Michigan, 1999, US, retrieved 16 April 2012 URL: <http://www.sca.isr.umich.edu/documents.php?c=i>

Curtin R., Presser S., Singer E. The Effects of Response Rate Changes on the Index of Consumer Sentiment // The Public Opinion Quarterly. 2000. Vol. 64. No. 4. P. 413–428.

De Leeve E., Hox J., Dillman D. International Handbook of Survey Methodology, Lawrence Erlbaum Associates. New York, 2008.

Groves R., Couper M. Nonresponse in household interview surveys. New York: John Wiley, 1998.

Groves R. et al. Issues Facing the Field: Alternative Practical Measures of Representativeness of Survey Respondent Pools // Survey Practice. 2008. Vol. 10. Retrieved April 15, 2012. URL: <http://surveypractice.wordpress.com/2008/10/30/issues-facing-the-field/>

Kim J., Gershenson C., Glaser P., Smith T.W. Trends in surveys on surveys // Public Opinion Quarterly. 2011. Vol. 75. No. 1. P. 165–191.

Singer E. Nonresponse bias in household survey // Public Opinion Quarterly. Special Issue. 2006. Vol. 70. No. 5. P. 637–645.

Short D. Michigan Consumer Sentiment at 12-Month High, February 24, 2012, retrieved March, 15, 2012. URL: <http://www.advisorperspectives.com/dshort/updates/Michigan-Consumer-Sentiment-Index.php>

Thurstone L. The Reliability and Validity of the Test, Ann Arbor, MI, 1931.

OECD-Library, retrieved May 14, 2012. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=MEI_CLI#

Winter G. A Comparative Discussion of the Notion of ‘Validity’ in Qualitative and Quantitative Research // The Qualitative Report [On-line serial]. 2000. Vol. 4 (3/4). Retrieved April 1, 2012. URL: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR4-3/winter.html>